

ГУНТЕР А. ПИЛЬЦ

Футбол — это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов¹

1. Введение

«**М**ассовый спорт — в наши дни это означает одно: 22 человека играют в футбол, а тысячи и десятки тысяч смотрят на их игру. Обступив футбольное поле, они критикуют, горланят, свистят, выносят компетентные суждения, подбадривают игроков, чествуют любимцев, рукоплещут всем удачам, бранят судей и, наконец, мечтают сами принять участие в игре. Они охвачены футбольным психозом и уже не мыслят себя вне спортивного матча, как будто это не только их матч и победа, но всемирный матч и всемирная победа, венчающая любую, даже самую убогую игру».

Так характеризовал футбольные матчи в 1931 году деятель социал-демократической партии Гельмут Вагнер, и из его слов вполне очевидно, что уже тогда для множества людей футбол был не просто счетом 1:0 в пользу любимой команды. Футбол влек к себе и продолжает влечь миллионы, независимо от возраста, пола, уровня образования и социального статуса. Культура фанатов и все ее проявления отличаются большим многообразием и большой противоречивостью. Диапазон фанатов велик — в эту среду попадают и подростки, и седовласые деды. Одни фанаты спускают себя с тормозов, чествуя свою команду, а другие сохраняют хладнокровие при потреблении любимого зрелищного продукта. Одни фанаты — миролюбивые бездельники, а другие — играющие мышцами хулиганы. Одни никогда не пьют, а другие напиваются перед каж-

¹ Gunter Pilz, Fußball ist unser Leben?! Leerformel oder gesellschaftspolitische Herausforderung. In: Württembergischer Fußballverband e. V. (Hg.): Der Fußball. Eine Beitrag zu einer Gesellschaftskultur der Zukunft. Stuttgart 2002, SS. 59 – 77.

дым матчем. Среди фанатов могут быть и радикальные левые, и убежденные правые. Фанаты бывают самые неожиданные: одни из них на свое пятидесятилетие заставляют гостей ждать два часа, чтобы не пропустить игру своей любимой команды, а тут, гляди, рядом пара новобрачных, жених в костюме и невеста в белом платье, и они тоже затесались в толпу фанатов, забыв о банкете, тут же и робкий юноша, зажигающий свечу в церкви паломников и возносящий молитву за успех своей команды, а еще рядом безработный, который выгребает из кармана всю мелочь, чтобы хватило на билет. Подле стоят школьники, которые продают за грош свои тетради с Тарзаном и Акимом, потому что им не хватает три евро для покупки билета. Тут и Денни, для которого «Ганновер-96» — синоним веселья, хорошего настроения и дружбы, тут Сабрина, и для нее «Ганновер-96» — это самое отвязное веселье и вообще заветный эпизод жизни, когда они были девочками и могли дорваться до запретного «боя», открыть в себе прежде невиданное переживание приключения, которое теперь доступно разве тем подругам, что пошли работать в полицию, — пройти тайком на стадион, познакомиться с ультрас, которые знают подлинный смысл футбола, и осведомиться о том, каковы теперешние правила честной игры (Pilz 2004).

Пристрастие к футболу и воодушевленность футболом столь же старые, сколь и этот вид спорта, но культура фанатов появилась тогда, когда этот вид спорта стал коммерческим и «событийным», и все перипетии и различные эпизоды в этой сфере стали привлекать повышенное внимание окружающих.

2. День на матче в 1930-х годах: футбол как значимая часть семейной жизни

С начала 1930-х и где-то до середины 1950-х отношение зрителей и игроков было отмечено двунаправленностью. Об этом выразительно писал Альберт Рекель (участник команды-чемпиона 1938 года, до 1952 года профессиональный игрок «Ганновера-96»):

Я помню, что тогда происходило, у меня просто перед глазами стоит наш старый футбольный приют. Как только из клубной тишины ты выходишь на поле, ты оказываешься один на один со зрителями. И вот мы там же, где зрители... они всегда доброжелательны, они похлопывают нас по плечу, кричат свои речевки, разговаривают с нами... и вот мы проходим мимо зрителей. Когда любой из нас идет с поля, то он тоже идет мимо зрителей. И не было так, чтобы мы не встречали самых добрых приветов. Наша клубная команда была подчистую разбита — после одного матча. Но зрители, которые все это видели, они хотели все равно общаться с нашей командой. Всегда было так, когда мы весной играли днем (у нас не было прожекторов, и мы должны были начинать игру рано)... и затем, приняв душ, мы поднимались сразу наверх, в помещение

нашего клуба, и там разговаривали с людьми. Наверху стоял кофейный столик, и на кофейном столике был накрыт ужин. Поужинав, мы ощущали прилив счастья: как это здорово — быть всем вместе, рядом с буфетной стойкой, присев отдохнуть в окружении верных и славных почитателей. Наша клубная комната всегда была полна народу, после каждой игры. Поэтому можно про нас было сказать теперь уже затертые слова: мы действительно были одной большой семьей (Fritsch und Pilz 1996: 209).

Тогда любитель спорта обозначался выражением «гость боев», что указывало на милитаристские истоки футбола. Шла война, когда в Германии футбол стал привлекать действительное внимание общественности. Потом, в 1920-х, футбол превратился в феномен масс, на что указывают Пейффер и Тобиас (Peiffer und Tobias 1996), но и это происходило при активной поддержке армии. «Идеальный образ футбольного игрока отвечал всем требованиям к современному солдату». Не следует удивляться, сколь много армейских слов вошло в футбольный лексикон: нападение, защита, фланг, финал, бомба, бомбардир, граната — все эти слова вошли в плоть и кровь международного футбольного языка. Чего и следовало ожидать, две команды сходятся на поле боя и ведут, как часто говорят, настоящую спортивную битву. На этот бой, конечно же, приходят «гости», болельщики, которые издают боевые выкрики и поют боевые песни. Такой боевой крик во время матча, как уверяет нас «Курьер бундеслиги» (выпуск от 12 февраля 1966 года), есть «выражение чувств толпы зрителей, воодушевляемой спортивным событием, когда полюбившаяся команда чествует во время больших состязаний периодически повторяемой громкой речевкой».

Перелет от матча к матчу (Nachbarschafts-Derbys) превратился за последние 30 лет в род регулярного туризма. Болельщики объединяются в союзы, чтобы организовывать поездки на все игры с участием «своей» команды. Такое поведение множества футбольных союзов и любителей футбола кроется в социальном и культурном сопряжении игры и шоу. Жизнь союза — это неоценимое и неперемное господство товарищества и солидарности. Ощущение взаимодействия и взаимопомощи обретает свое полное выражение в братстве болельщиков, особенно на стадионах. Игра против ожидаемого противника — это повод совершить еще одну поездку всем футбольным братством. Если погода хорошая, можно прихватить с собой с раннего утра жену и ее подруг и, положив в сумку термос и бутерброды, отправиться смотреть игру. В игре 90 минут, но настоящий болельщик остается в тесном кругу душевных друзей до самого позднего вечера. Пространственная близость собственного жилья к резиденции клуба, к стадиону или тренировочной площадке зачастую приводит к возникновению густой сети социальных отношений между болельщиками — почти что миф о братстве, которым прежде всего гордились союзы-клубы с самого первого часа своего возникновения и до сего дня.

Зрительское воодушевление 1920-х и 1930-х находит отражение и в отчетливой социальной квалификации союза (клуба) как «союза рабочих» или «союза управленцев»: таково противостояние в Ганновере «красных» («Ганновер-96») и «синих» («Арминия Ганновер») или в Мюнхене «Баварии» и «1860». Таким образом, футбольная борьба дает фору классовой борьбе, и все исторические обязательства теперь связываются с клубом.

3. Путь одухотворенных странников — от фанатов в балахонах к хулиганам и ультра

Отношения между игроками и зрителями, а также и сама одухотворенность зрителей при виде игры менялись в той же мере, в какой развивались сами клубы и команды. Если первоначально игроки для зрителей были «ближайшими репрезентантами», то есть их объединение ассоциировалось и отождествлялось с городом или местностью, к которому они все принадлежали, а значит, такие игроки чувствовались как «местные герои рабочего класса», то после профессионализации футбола в центре внимания оказался новый тип: лелеемые медиа «звезды», для которых уже ничего не значит верность своему футбольному союзу, а важен лишь успех команды в данный момент (см.: Lindner und Breuer 1979). Эти «новые игроки» отличаются прежде всего мобильностью: они могут перейти из клуба в клуб даже до окончания сезона. Между такими игроками и зрителями возникает ощутимая дистанция: никто уже не удивляется тому, что столь естественный прежде контакт игроков и болельщиков теперь заменен медийной инсценировкой, которую подробно расписывают опытные менеджеры игры. Профессиональный футбол превратился в образцовое шоу, что коренным образом отразилось на восприятии зрителями норм футбола. Если раньше футбольные болельщики были разочарованы поражением «своей команды» (эта команда была «своей» в самом прямом и существенном смысле социальной идентификации), они начинали обзывать неудачливых игроков «растяпами» и «мазилами» (*Krucke oder Flasche*). А теперь в отношениях между публикой и игроками господствует, как показал Хортледер (Hortleder 1974: 68), «отношение всецело эмоционального напряжения, эмоция, которая колеблется между полюсами возвеличивания и презрения... Зритель одухотворен, пока игра идет хорошо, но, как только команда дает слабину, он готов проклинать все на свете».

Эмоционально *напряженное* отношение к зрелищу коренится уже в двусмысленности самого понятия «звезда футбола». Публика, приветствуя триумфаторов футбола, доказывает, что все зрители отлично понимают, что футболист, ставший звездой благодаря постоянной деятельности прессы, имеет другую повседневную жизнь и другие перспективы. Спорт для него не увлечение, а форма идентификации, и именно в этой

новой идентичности и заключен важнейший поворот наших дней (Lindner und Breuer 1979: 167).

Превращение профессионального футбола в род шоу создало особый тип зрителя, который настаивает на все более изощренном потреблении. Поэтому клуб и стремится сыграть игру на пределе, снабдив ее хитовыми ударами; но за этим великолепием следует и особая реакция зрителей. Когда игрок превращает свое действие в шоу, то чего ждать от зрителей, для которых любое действие теперь уже измеряется лишь успехом?

4. Союз как содержание жизни: фанаты

Фанаты приходят на стадион, чтобы увидеть, как победит их команда. Они страстно и безусловно следуют за своей командой и готовы сразиться за ее честь. Команда, которая играет против нее, сразу же автоматически превращается в неприятелей, каковых надлежит разбить и победить любой ценой. А как можно защитить честь своей команды? Только в противостоянии членам клуба-противника, судье и, главное, фанатам этого клуба. Настоящие фанаты всегда причастны успехам своей команды и готовы ради этого терпеть любые житейские невзгоды. Если команда побеждает, то сколь бы ни угнетали человека повседневные заботы, он уже знает, как компенсировать свои неудачи и провалы, в которые вверг его ход его собственной жизни. Фанатское движение можно по праву назвать «футболоцентричным»: фанат полностью и до конца отождествляет себя со своей командой и со своим клубом и демонстрирует свою идентичность в одежде (куртки, флаги, шарфы, шапки в цветах и /или с эмблемами данного футбольного союза). Такие фанаты, навсегда сомкнувшиеся вокруг футбола, создают своими песнями и речевками особую атмосферу на стадионах и громко поддерживают свою команду до финального свистка, даже если она уже явно обречена на поражение. Футбольный клуб, команда спортсменов-профессионалов становятся настоящим содержанием жизни:

Существуют фанаты, которым ничего больше не нужно, кроме как защитить свой клуб от поражения. Так я провел несколько лет. Члены Футбольного клуба Копенгагена (ФСК) стали для меня родными людьми. Я не мог жить без футбола, и футбол обернулся обоснованием моей жизни. На стадионе мы становились друзьями. Мы все друг друга знали, знали о личных проблемах каждого... Кроме того, если теперь у нас возникали проблемы, во время футбола можно было от них отключиться. И конечно, мы не переносили поражений нашей команды, потому что наша жизнь и так была полна поражений, чтобы признавать право на них за нашими любимцами. Зато когда наша команда побеждала, мы купались в лучах славы этой победы (свидетельство приводится: Becker und Pilz 1988: 9).

При этом прежде всего изменились, как пишут Линднер и Брейер (Lindner und Breuer 1979), система ожиданий и способ восприятия зрелища публикой. В сердцевине тут — появление другой формы интеракции между игроком и зрителем, а за этим уже перемена отношений между клубом, игроками и зрителями. Команда, которая представляет район (das Viertel), где ее знают и иногда (если позволяет стойка местной пивнушки) приветствуют, не имеет ничего общего с группой профессионалов-контрактников со всего мира, которых как некое счастье поджидают у выхода, надеясь схватить у них автографы, прежде чем они сядут в свои «Порше», «Мерседесы» и «Мазерати». Такое изменение рамочных условий футбола отняло у футбола его прежние культурные, социальные и исторические перспективы и превратило его (сохранив специфический духовный восторг перед случайными любимцами публики) просто в одну из отраслей индустрии развлечений. С появлением описанной здесь спортивной, социальной и экономической дистанции между игроками и зрителями возникла еще более мощная тенденция, исследованная одним современным журналистом (Nutt 1988): после профессионализации этого вида спорта отторгнутость мира зрителей от мира игроков стала еще более явной. Все растущая дистанция между ними привела к тому, что зрители стали очень чутки к своему собственному присутствию. Зрители идут на стадионы не только для того, чтобы посмотреть, но и чтобы стать важной частью события под названием *профессиональный футбол* (Pilz 1999). Когда рассматриваешь, до чего доходит спортивный ажиотаж не как зрелищный, а как именно деятельностный, то кажется, что зритель и спортсмен просто-напросто поменялись ролями. Названная эстетическая форма занятости самим собой (Sich-Befassen), конечно же, может вылиться в другую форму, например форму насилия. Невозможно исключить, что отдельные фанаты следуют правилам клуба и что фанаты пытаются создать свой спорт наравне со спортом на площадке. Один из фанатов даже признавался: «А у нас разве нет игры? Тем более мы делаем что хотим и кто нам скажет что поперек? Разве это не наш праздник?» Логичным развитием такого вида фанатов стало в наши дни движение ультрас, о котором речь пойдет ниже.

5. «Ура, наша взяла!» Что происходит после ловкого удара

Прежнее понятие болельщика, как показывают новостные заметки в газетах, уже с середины 1970-х все больше вытеснялось понятием «футбольного фаната». Это понятие сразу получило и негативный оборот: «футбольные громилы», «футбольные рокеры» (Fußballrowdies, Fußballrockers), а с середины 1980-х термин «футбольные хулиганы» стал употребляться едва ли не чаще всех остальных. В наши дни толпа фанатов, и в том числе хулиганов, выделилась из общей массы зрителей, получив собственную, социально опасную динамику. Мы можем провести интересные параллели в развитии и дифференцировании типа

игрока и типа зрителя: точно так же как игроки перестали быть «своими парнями», то есть представителями понятной субкультуры, и превратились в прославляемых прессой звезд, для которых уже ничего не значит ни верность, ни привязанность к клубу, а следовательно, у них нет никаких длительных пристрастий, никаких местных социокультурных особенностей, но только лишь финансовое обеспечение, которое должно быть достаточно большим, — так же и зрители из рабочего люда (*kumpelhafte*) превратились в страстных фанатов и, наконец, в готовых зажигать в любом месте хулиганов. Это была уже последняя стадия взаимного дистанцирования друг от друга игроков, клуба и зрителей. *Фанаты и звезды* — две стороны одной медали, актуальные и прогрессивные варианты испытанных *профи*. Если у игроков профессионализм имеет денежное выражение, то ведь и хулиган теперь элитарен, он умеет быть «крутым» и «прикольным», и он так же уже не связан со своим кварталом и, накидывая новый шарфик, идет туда, где ему больше платят или, как он выражается, где ожидается «лучшая акция». Таким образом, подразделение психологии проходит теперь по основному разделу оплаты:

Движение фанатов прямо отражает успех большого спорта в нашем обществе. Но этот успех измеряется данными самой игры («ситуацией в игре»). Однако тут как раз вмешиваются другие ценности. Успешная игра невозможна без финансовых вложений. Действует уравнение Успех = Деньги. Это подразумевает, что в массовом спорте продаются и покупаются те, кто и производят удовольствие от его просмотра. На рынке спортивных игр купля-продажа профессионалов спорта стала уже столь привычной, что вряд ли кто-то будет ее оспаривать, видя, сколь далеко зашло это унижение человеческого достоинства. Те, кто внемяют спортивному состязанию, готовы сделать своими идолами представителей совсем деградировавшего спорта и никогда вообще не смогут занять критическую дистанцию по отношению к предмету своего обожания. Агрессивная конкурентная борьба за место в команде преломляется и в агрессивности фанатов команды. Эту агрессивность трудно было бы объяснить, если не понимать, что спросом у молодежи пользуется уже не подлинное, но подмененное поведение (Losel u. a. 1990: 75).

Предоставим слово и самому хулигану: «Сила — это автозаправка самосознания». Отправляясь от этой цитаты, мы можем указать на важный аспект: в хулиганстве заключен поиск смысла и возможности творческого образа. Молодой возраст считается жизненным периодом, когда человек должен выстроить из своего роста психосоциальную идентичность. В наши дни такая *реализация* личной идентичности затруднена. Молодые люди уже не хотят быть смиренными учащимися в соответствующих заведениях, им только и подавай, что самоутверждаться, вовлекаться в новые проекты и решать полносмысленные задачи. Выстраивание позитивной идентичности, которое приходится на молодой возраст, означает теперь умение дать позитивные ответы на неумолимые вопросы: кто я такой?

что я могу? зачем я здесь? к чему я принадлежу? и что будет со мной? Решения центральной власти (Schwind und Baumann 1990) хорошо показывают, что молодые люди прежде всего в школе теперь узнают то, чего они никогда не знали, а не то, что они узнали как-то еще. Оскар Негт (Negt 1998) точно заметил в связи с этим, что борьба большинства молодых людей разворачивается в тени вопроса: что я в этом обществе? Что я вообще такое, кто мне это объяснит? Молодежь ищет в области культуры ответы на все эти непонятные ей самостоятельно проблемы. И если молодежь не видит перед собой почти никаких перспектив, то ей остается только одно — использовать собственное тело в качестве капитала: нужно моделировать его таким образом, чтобы оно стало опознаваемым и «замечательным». Именно в этом нужно усматривать отправную точку «культы тела» и силы — это всего лишь форма специфического для подростков и молодежи поиска идентичности. Именно так появляется и понимание самого себя как носителя силы, которому нужно только, чтобы кто-то его возглавил. Люди, руководствуясь этим принципом (особенно если их образовательный уровень низок), начинают прежде всего защищать свой мир, и за неимением лидера они «возглавляют» друг друга, то есть смыкаются в группы, сила которых будет несомненна для всех. Таким образом, вокруг футбола, среди восторженных фанатов и хулиганов начинают попадаться и правые радикалы. По выводам Виппельмана (Wipplermann 2001: 7), для них «праворадикальные усилия к действию неосознанно принимают характер события. Поэтому они руководствуются особой эстетикой, эмоционально перегружая всю свою социальную жизнь и ища мотиваций для очередного события. Правый радикализм в наши дни — это двойственная структура из идеологии и тоски по опыту переживаний». Высокий уровень событийности и делает сборища восторженных хулиганов столь привлекательными для праворадикальных деятелей. Но последний вывод представляется нам спорным: ведь, как мы знаем, хотя ранее фанатства и хулиганства было не меньше, существовали механизмы саморегулирования, во всяком случае молодежь не была склонна к потаканию чужим страстям.

Хулиганы ведут себя точно так же, как и сами футбольные игроки: вспомним, как часто они нарушают правила и как часто пытаются сломать старые представления об игроках. Речь даже не о том, что они сбивают кого-то с ног, а что они не слышат свистка. Они считают, что это судья помешал игре, которая без судьи шла бы гораздо лучше. Нечто похожее отвечают и хулиганы: «Если были искалеченные и жертвы, то виновны не мы, а полиция, которая не умеет ничего делать вовремя». Как мы видим, у этих молодых людей весьма странное отношение к полиции: с одной стороны, они заявляют, что именно вмешательство полиции привело к выплеску насилия, которое иначе погасло бы в зародыше, а с другой стороны, жалуются на полицию, которая вмешалась поздно или вовсе уклонилась от своих обязанностей. В результате города и стадионы, где играет бундеслига, заполняются молодежью, которая

только и ждет, когда полиция начнет применять свои дубинки. Хулиганы очень хорошо понимают, что полиция умеет разнимать дерущихся только с помощью дубинок, и когда хулиганов предупреждают, что полиция может очень жестко отреагировать и применить специальные меры, то они простодушно отвечают: «У нас есть свои забавы, и у быков тоже. Если мы начинаем заваруху, то нам же себя не жалко, мы и готовимся, что быки нам накостыляют». Так говорит хулиган, который сам орет, когда полицейский выпускает по нему разряд резиновых пуль, и бежит прочь, затем повторяя: «Да, сегодня нам быки задали жару».

Вопреки всеобщему предрассудку о социальной принадлежности и образовательной и трудовой компетентности хулиганов, среди них почти невозможно найти безработных (во всяком случае они не определяют лицо хулиганов). Новые хулиганы рекрутируются из всех социальных слоев: среди них можно встретить старшеклассников, студентов, успешных работников разных сфер и даже квалифицированных людей с высшим образованием. Поэтому в любом случае, исходя из различия перспектив будущего и условий рынка, объясняющих «жизненный мир», нам придется размежевать хулиганов «старых» и «новых» (бывшая ГДР. — *Прим. перев.*) федеральных земель. Если в старых федеральных землях хулиганы принадлежат в значительной части к средней и даже высшей социальной прослойке, то хулиганы новых федеральных земель, как правило, не могут вырваться за пределы низшего социального слоя.

Хулиганы среднего и тем более высшего социального слоя имеют две идентичности: буржуазную повседневную идентичность и молодежно-субкультурную хулиганскую идентичность. «Футбол — это, можно сказать, вторая частная жизнь. Я могу отправиться гулять с подругой, надев воскресные брюки, затем мы зайдем в ресторан, а потом сходим в кино. Так я проживу целый день, потом я лягу спать, встану утром, и для меня настанет время футбола. Тут-то и начинается праздник, тут и чувствуешь себя человеком» — вот подлинные слова хулигана.

Блинкерт (Blinkert 1988) точно заметил, что «в ходе научно-промышленной модернизации в глубине масс возник специфический тип поведения, идущий вразрез со всеми социальными нормами». Этот тип поведения Блинкерт попытался обозначить как новых гедонистов, которые ведут учет своим удовольствиям и признают только непосредственную пользу. Если иметь в виду то, что в индустриальном обществе новейшего времени этот новый гедонизм удовлетворения потребностей и их оценки расцвел пышным цветом, то, опираясь на рассуждения Блинкерта, мы можем определить хулиганов как авангард этого нового типа идентичности. Дух времени таков, что хулиганы не бросают своим поведением вызов обществу, но роковым образом опережают его теперешнюю мобильность и податливость к любым изменениям. Мы должны определить хулиганство в большом футболе как следствие процесса модернизации нашего общества. Хулиганы воплощают

в себе, как в выпуклом зеркале, все ценности и модели поведения всего общества: обособление элит, ориентацию на соревнование, риск и статус, дисциплину борьбы, крутизну, приспособляемость, мобильность, акционизм, удовольствие от агрессии, подбадривание себя и «энергетичную» атмосферу. Профиль личности готового к бою и находящего наслаждение в битве хулигана даже в самоописании не слишком-то отличается от среднего немецкого менеджера или рекордсмена: легко заводящий дружбу, кульный и жесткий, самореализующийся, уважающий себя, уверенный в себе, сознающий свои цели и разбирающийся в людях. Конечно, появляется и еще одно обстоятельство: хулиганы стремятся перейти от прежнего скрытного поведения, от прежних местных игр к настоящим переживаниям, увлечениям и масштабным запросам. Несколько высказываний самих хулиганов проясняют этот тезис: «Когда ты бежишь в темноте по парку, перемахиваешь через заборы, пересекаешь частные владения, а тебя преследует по пятам полиция, это так фантастично, вы даже себе не представляете». «Это совершенно непостижимое чувство, когда бежишь огромной ватагой, человек 100 или 120, все уступают дорогу, и тут откуда-то справа или слева выходят враждебные хулиганы. Так часто бывает, и главное — чтобы не вмешалась полиция, которой нет дела до того, кто выиграл, а кто проиграл. Пусть два противника выясняют отношения, а остальные тут при чем?» «Когда ты и вправду валишься со всей с толпой, сметая все на своем пути, то это прекрасное чувство словно бы сначала было твоим. И пусть пролетят над твоей головой три-четыре бутылки или камня. Это просто бежит другая толпа, а твоя задача — атаковать ее в своем районе. Ты уже на седьмом небе, это удовольствие ни с женщиной, ни с наркотой не сравнится. Это единственное чувство, которое что надо».

Билл Бафорд в книге «Блуд силы» (*Geil auf Gswalt*) сообщает свои наблюдения и впечатления от английских хулиганов на европейских стадионах, которых он наблюдал в течение пяти лет. Вот как он попытался обобщить тот восторг силы, который господствует в этих кругах:

Что притягивает меня — это те моменты, когда отключается сознание: как раз когда царит чистое переживание, моменты животной интенсивности, чистой неразумной силы, когда нет никакого учета, никакой возможности осмыслить, что сейчас происходит, но только чистое участие в современности, обретшее, наконец, абсолютную форму. Сила — это одно из самых роковых переживаний, и, более того, как мы уже можем догадаться, сила больше всего возбуждает похоть. Я с трудом подбираю слова, которые могли бы описать это состояние. Когда умами масс овладевает сила, это хуже наркотика. Но что это для меня лично? Для меня лично — это опыт абсолютной полноты чувства (Buford 1992: 234).

Британский социолог культуры Кричер, анализируя только что описанные тенденции в развитии большого футбола, пророчит футбольным увлечениям нехорошее будущее:

Он скоро умрет, не столько потому, что он уже не привлечет косные массы как игра на скорость и ловкость, но потому что в нем уже не будет культурного обаяния. Ведь он уже сейчас выражает в себе не живую народную культуру, но совершенно внешнюю для него идею маскултового спектакля, который и разыграли в XX веке, чтобы не подпасть под контроль над культурой. Или, если говорить более упорядоченно, такой спорт, как футбол, пытался отстоять свою частичную автономию от господствующих экономических и культурных факторов и тем самым утратил свою частичную автономию как важный элемент народной культуры». Более того, такой вид спорта, как футбол, выпал из истории и явил свое событийное бесплодие: в нем не больше исторического, чем в бильярде, боулинге или дискотеке. Всякая память об «истории как жизни» уже исчезла, потому что исторический опыт возможен здесь только в очень малой мере (Lindner und Breuer 1979: 170).

6. «Футбол—это наша жизнь»: ультрас как хранители души и атмосферы футбола

По ходу описанного выше развития в наш спокойный мир ворвалась новая группировка, ультрас, которая только и сделала, что усилила традиционный настрой и атмосферу на стадионе. То, что прежде было представлением, теперь стало инсценировкой, обрело свою хореографию. Над рядами зрителей пронеслись бодрые и по-настоящему боевые песни. Во второй половине 1990-х число группировок ультрас в Германии резко выросло. Вся эта страстная, идущая с юга культура, умеющая «зажигать», покинула прежние «бункеры», в которые она была загнана в Испании и Италии, и надолго привязалась к просторам Германии. Прежде всего молодые футбольные болельщики были очарованы прежде невиданной сплоченностью ультрас, сочетающейся с экстравертностью, с постоянной демонстрацией своих способностей. Действительно, ультрас образовывали тесную и дружелюбную общину, каких уже не встретишь в среде молодых немцев. Само слово «ультрас» манило к новым пределам жизни, вселяя в повседневное существование небывалое прежде напряжение: нужно теперь было быть «на краю», преодолевать свои прежние привычки и вливаться в жизнь спортивного духа. В отличие от хулиганов, ультрас обладали совершенно новой идентичностью, *ультраидентичностью*, которую они являли и в будние дни. Все прочие стороны жизни: школа, работа, подруги и семья—стали казаться слабым придатком к величию футбола. Ультрас во всех интервью описывали свое фанатское существование как вовлеченность и увлеченность, как работу, на которой они будут сосредоточены отселе и до конца. Они не только на словах, но и всем своим телом переживают особый воодушевляющий опыт (Cikszentmihalyi 1992), при котором они забывают обо всем вокруг, и свое чувство направляют туда, куда несут их собственные страдания. Вот высказывание, многое проясняющее:

Люди должны, наконец, понять, что во всех тех вещах, которые мельтешат в деятельности ультра, есть только одно, что действительно служит чести любой такой группировки: дружба и любовь! Оба этих понятия экзистенциальны и безусловны, и без них ни одна группа ультра не выйдет к людям. Дружба между всеми, любовь к идеям ультра и их воплощению — вот то чувство, которое больше всего способствует единению. Это не просто ощущение всей жизни, это особый стиль жизни, который трудно описать словами, это нужно только пережить. Когда люди вместе воодушевленно берутся за руки, плачут, смеются и понимают друг друга без лишних слов, то в этом сквозит даже нечто большее, чем простое пристрастие к созданию союзов. Некоторые могут счесть такое чувство досужей забавой, но для нас такое солидарное взаимодействие — самое важное, и даже люди, не склонные к солидарности, обретают ее в группе, словно в общине. Группа едина в своих помыслах и по праву заменяет человеку семью. Важно, что в жизни общины проявляются те отношения между людьми, которые и ожидаются от всех членов группы, и поощряются в ней: прежде всего это содружество и сомкнутость рядов (таково самосознание группы ультра).

Футбольное поле на стадионе теперь вновь становится важнейшим местом, смыкающим различия душевного настроения у людей, воспитанных современным индустриальным обществом. В товариществе, члены которого меряются лишь тем, что они сами создали, чего прежде не было, возникает неумолимая тяга быть людьми творческими, всегда что-то создавать, переделывать мир согласно собственным представлениям, менять окружающую действительность, производить сдвиги в сознании, влиять на текущие дела — обо всем этом писал Негт (Negt 1998). Стадион начинает играть важнейшую роль в качестве компенсаторного механизма. Приведем только несколько высказываний, наилучшим образом характеризующих самосознание ультра из Франкфурта:

Мы понимаем себя как группу ультра, и это означает, и из этого прямо следует, что мы живем менталитетом ультра и по возможности передаем его всем новым членам нашей группы. Для нас ультра — это состояние духа, это основополагающий настрой бытия-к-фанатству. Мы сознаем себя не глухой массой потребителей, которая, накачавшись пивом, стоит на трибунах и без комментариев принимает все то, что происходит на стадионе и вокруг. Совершенно нет! Мы критически настроенные взрослые люди, которым никто не запретит думать и обличать господствующие заблуждения. Мы вовсе не собираемся служить футболу, становясь какой-то незаметной частью этого великого события, — мы сами футбол. Мы — игра, и мы — единство. Мы делаем так, чтобы футбол производил глубочайшее впечатление на людей любой социальной группы. Все давно признали, что без настоящих фанатов стадионы многое бы потеряли, и поэтому нужно осознать со всей отчетливостью все заслуги фанатов. Мы — ультра, мы — особый род объединения фанатов, со своей

статью. Нашей целью всегда было (и по-прежнему остается) объединить все изгибы, то есть создать гомогенную массу из бывших отдельных персонажей и клубов, которые теперь будут держаться вместе, распевать песни и участвовать в акциях, к чему мы, ультрас, и направляем толпу как самая активная ее часть. Для нас важнее всего создать сплоченную группу, которая состоит из людей, сходным образом мыслящих и чувствующих одно и то же, — такие люди всегда объединятся против всяких чуждых влияний и пронесут по жизни свои идеалы и свою мечту, сделав все от них зависящее, чтобы воплотить ее в реальности. Итак, нужна группа, которая объединена общими ценностями и никогда их не предаст, хотя в современном обществе такие слова, как дружба, верность и честь, стали слишком затертыми: они заглушены такими словами, как успех, оптимизация и эффективность. Поэтому и нужно возбудить встречное течение и создать совершенно иной подход в жизни, при котором мы впервые почувствуем себя полностью людьми. Это будет совсем новый мир, пусть и небольшой, но наш мир в форме футбольного мяча, объединяющий друзей, ликующих под бравую музыку, — мир, в котором человек сам устанавливает себе правила. Можно оставить где-нибудь снаружи всякие социальные конвенции и жить прямо и просто, как требует того душа, и не обязательно при этом глядеть на порочный круг земных дел. Куда лучше сражаться за свое собственное свободное пространство, которое мы обрели своими усилиями, в котором и может, наконец, разместиться слишком унифицированное общество, чтобы, наконец, зажечь творческой жизнью.

Решающим моментом для наших будущих дел становится то, что ультрас создают рамки для самоинсценировок, потому что значительная часть ультрас, играя роль катализатора в специфической для футбола атмосфере, обостряют все тенденции артистизма болельщиков. Это тем важнее, что, как следует заметить, талант ультрас к инсценировкам и хореографии все жестче сталкивается с принятым на стадионах порядком: ведь теперь усиливаются и требования безопасности, и частные моменты поведения. А на стадионах созданию настоящей одухотворенности, бодрой и веселой атмосферы служили всегда полотнища флагов, шумовые устройства, конфетти, бенгальские огни и даже фейерверки — все это в прессе называли характерным для «болельщиков с юга», которые не могут не заводиться всякий раз, когда есть возможность. Запрети эти вещи — футбол лишится своей живительной души; однако же все равно остается риск, что вся эта привязанность к атмосфере, настроению, эмоциональности с каждым шагом становится все проблематичнее и опаснее. Приведем здесь весьма острые замечания криминологов:

При оценке социальных феноменов насилия, которое учиняют фанаты, мы прежде всего должны остерегаться жестких предрассудков. Фанаты считают, что они будят погрязшее в пассивности общество потребления и дают ту важнейшую компенсаторную возможность, которая позволяет переработать в себе повседневную фрустрацию, насилие обыден-

ного и расправиться наконец с докучным повседневным ритмом. Хотя «бдительный» мир реагирует на все только запретами и штрафами, все равно силовой потенциал свободного пространства весьма велик, и влиять на него становится все труднее. Таким образом, нам всем предстоит подумать, как можно направить по правильным каналам все эти всплески активности (Kerger u. a. 1990: 550).

Но разве кто-либо не воспринимал стадион как место переживания прежде небывалых возможностей, особого старания, напряжения и проживания аффектов и эмоций, которые потрясают всех нас? Как заметила группа исследователей (Weis, Alt und Gingeleit 1990: 652 ff), мы не можем отстоять иначе футбол, как особое место общественного события, которое включает в себя и разрушение привычного, равно как и место содержания. Стремление усадить всех на стадионе по местам вряд ли усмирит силу болельщиков. Более того, только на стоячих местах благодаря более мобильной коммуникации социальных слоев и поколений возможен порядок, только стояние создает конструктивный настрой. Как точно заметил Риттнер (Rittner 1986: 145):

Перед нами речевой механизм, который ритуализирует оскорбления и инсценирует телесную жизнь, заставляя тело маршировать, точно так же как машина принуждает к регулярной работе. Это особая машина на горла, ног и плеч, которая воздействует на собственного обладателя путем внушения и делает групповой дух просто-напросто природным явлением... Создается особая атмосфера самоослепления, в которое и ввергают фанатов их институции, оглушая их отречением от реальности. В этом смысле нельзя не признать, что атмосфера жизни футбольных фанатов *плотная* в самом буквальном смысле: глухая и тяжелая.

Впрочем, об ультрас нужно сказать, что они яростно боролись против дробления расписания футбольных игр. Своей акцией «про 15:30» они добились, что все игры первой бундеслиги были перенесены на субботу и, значит, был ликвидирован разрыв между пятничными и воскресными играми в первой лиги. Основанием этой акции было то, чтобы на отборочных играх проявлялась большая требовательность, и невозможно было бы сопровождать свою команду всем предприятием и всей школой, раз в футбол играют теперь по пятницам и воскресеньям, а бывает, что и по понедельникам. Такой разнос игр в целом привел к тем последствиям, что в более традиционных фанатских группах поддержки произошел раскол. Раньше они собирались в дорогу в пятницу, в субботу смотрели игру и вечером гуляли по кабакам, а в воскресенье, счастливые и довольные, возвращались по домам. Это и были рамки благополучно функционировавшего братства фанатов, которое теперь все растерялось из-за произведенного СМИ дробления игрового дня.

Манифест ультрас, который немецкие ультрас позаимствовали от своих итальянских собратьев с незначительными изменениями, отве-

чающими немецким реалиям, свидетельствует о вполне осознанном и чутком восприятии развития и возможных путей профессионального футбола. В рубрике «Перспективы будущего» ультрас пишут:

Настанет время, когда все футбольные фанаты поймут, что УЕФА, ФИФА и телевизионные трансляции под видом помощи национальной команде подменяют наш футбол. Единственным стремлением успешного клуба становится выход в европейскую лигу, что в конечном счете превращает клуб в коммерческое объединение. Всякое такое объединение выставляет себя на телерынке, для этого раздувая свой бюджет, и все небольшие союзы оказываются исключены из мира больших решений и затем просто рушатся среди общего неведения. Количество телезрителей ощутимо растёт, но стадионный футбол в его изначальной форме приходит в упадок. Через несколько лет пустующие трибуны заставят спонсорской рекламой, а всякие массовые ++-мероприятия будут запрещены, потому что зритель интересуется миром коммерции только как прикрытием для вербовки новых потребителей. У края стадиона будет стоять сотня-другая преданных фанатов, и видеокамеры будут зафиксированы на их лицах — чтобы казалось, что флаги, транспаранты и салюты покрывают все пространство стадиона. А потом пройдет еще несколько лет, и мы будем видеть наших игроков только на экране, как и пилотов «Формулы-1», которые представляют собой рекламные носители. В головах функционеров будущее приобрело уже вполне конкретную форму: функционеры мечтают о ручных фанатах, которые немножко расцвечивают скучную атмосферу. Их задача проста — сидеть где-то в качестве бледного фона игры, чтобы иногда в телеэкране проносился общий вид рядов, иногда вяло хлопать, а затем занимать, словно по команде, свои места. Так что ультрас на стадионе уже делать нечего. Есть генеральная линия УЕФА, согласно которой фанаты должны сидеть, и не нужны фанаты, которые стремятся принять активное участие в игре. Необходимы не фанаты, а зрители, столь же уважаемые, сколь и зрители в кино или в театре. Люди, поглощенные уважаемым занятием, никогда не поймут, что футбол — это наша жизнь, что именно в футболе мы переживаем наше единство, именно ради футбола мы надеваем всю нашу амуницию и знаем, что за нами — наш город, наш регион. Все искривления мира должны выпрямиться в этот миг. Долой фабрику футбола, да здравствует мощное единство болельщиков.

Соответственно, эта позиция формулируется в таких параграфах:

1. Игроки должны переходить из клуба в клуб только в перерывах между сезонами, но не во время сезона.
2. Свобода игрока и радость — забить гол, дайте ему доиграть.
3. Нужно готовить смену на месте, из своих, просто сплотив команду.
4. Необходимо запрещать игроку год играть, если он отрекся от своих, потому что другой клуб перекупил его за большие деньги.

5. Ограничения, которые функционеры устанавливают в одном клубе, недействительны в другом клубе, а иначе будут одни «фермерские клубы».
6. Не может быть передачи *кубка местной игры мастеров* автоматически, благодаря квалификации мастера, но только в рамках лиги, которая должна быть местной лигой, чемпионской лигой победителей.
7. Запрет клубам и союзам на карты для ожидаемых игр распространяется исключительно на гостевые команды.

Ультрас должны:

1. Избегать всяких ненужных контактов или помощи со стороны клубов или полиции.
2. Лучше взаимодействовать друг с другом.
3. Ездить на игры организованно.
4. Сотрудничать с ультрас других клубов, чтобы создать «по-настоящему зрелищный ТВ-футбол».
5. Никогда не подчиняться властям и присутствовать на играх при любых условиях.

Манифест ультрас, который, как показывают и выводы Кричера (Cricher o.J.), пророчествовал об упадке зрелищного футбола (ср.: Paris 1983: 162), говорит об этом со всей возможной откровенностью:

Основополагающая проблема будущего развития состоит в том, что игру парализуют механизмы коммерциализации и профессионализации, которые неизбежны при сплошной капитализации рамочных условий спорта. Если мы обратимся назад, то заметим, что, хотя и специфическая динамика и привлекательность игры сохраняются, это всего лишь эффект заранее данной иерархии различных ситуационных определений, которые никогда на стадионе не могут быть заданы заранее, но обеспечиваются самой структурой игрового взаимодействия. Говоря другими словами, хотя игра, несмотря на все порочные глумления и извращения апологетов коммерции, сохранилась, это не означает, что коммерция обеспечит ей будущее. А иначе игра утратит прежний восторг, прежнюю радость, и никому уже не удастся воссоздать ее как массовое спортивное развлечение.

Как раз против коммерции борются все не поддающиеся уже учету группировки ультрас, которые насмерть стоят за традиционное содержание стадионного футбола. Они гнушаются коммерческим деградированным отношением к футболу, вина во всем профессионалов, и ратуют за футбол как за событие. И если обычный футбол прерывается насилием, то это следствие репрессий, которым подвергались ультрас за свои смелые выступления, за свою стадионную хореографию и за поведение, которое бросало вызов всем, кто пытался извлечь из футбола прибыль. Но нужно сказать и то, что часть ультрас любят силу и стоят только за нее. Вот как признается один из франкфуртских блогеров:

Если мы готовы постоять за наше свободное пространство, удержать его как свое, то мы должны непременно вспомнить о силе. Конечно, тут нам мешают другие группы, которые с самого начала в своих заявлениях отрекаются от применения силы, хотя бы и конечный эффект оказывался противоположным. Но ведь иначе и не может быть, если некоторые на стадионе ведут себя вызывающе, а потом вываливаются на улицу в злости и ничего не хотят больше знать. Для нас быть ультрас — это значит не ограничивать свой фанатизм полутора часами стадионного бдения, но жить той же самой жизнью 24 часа в сутки и семь дней в неделю... Поэтому мы никогда не отречемся от силы... Конечно, для некоторых людей сила — это ложный путь решения проблем, это мы должны с сожалением признать, потому что и в нашей группе есть разные течения, и люди с разными мотивациями уходят в разные сферы: одни предпочитают зрительную креативность, а другие — спортивную неумность на улице.

7. «Футбол — это наша жизнь»? Футбол будет и выживет!

Культура ультрас, которая исходила из культуры хулиганов как из начальной модели, показывает множество сходств с начальной культурой болельщиков и выглядит весьма привлекательно как развитие культуры фанатов. Чувство упадка футбола, которое и описал Кричер, обретает в культуре ультрас позитивный оборот, так как явно с футбольной коммерцией никогда не примирится дух футбольного события. Поэтому на будущее мы можем сказать, что расхождение между коммерцией и событийностью, между активно-пассивным потреблением футбола и превращением его в активное действие не может не создать проблем, потому что футбол в жизни молодых, и не только молодых, людей остается точкой осмысленного отношения к миру.

Футбол должен выжить потому, что он представляет собой важнейший «тайм-аут» (Weinhold 2002), поскольку, как замечает Хортледер (Hortleder 1974: 139 f), восторг от футбола состоит не только в самом совершенстве, «но в тех поистине драматических историях, которые разыгрываются на границах этого совершенства. И когда футбол начинает копировать систему ценностей индустриального общества, он становится сомнительным. Настоящая футбольная игра — это протест против такой оценки. К его основным принципам относятся соревнование, объективность и дисциплина, и игра получается по-настоящему драматической, когда названные ценности непреложны... Общественные идеалы копируются и находят свое первообличье на стадионе. Общества, в котором футбол играет доминирующую роль, никогда не упускает избыточной возможности забыть на полтора часа матча обо всех прежних заботах и оценках и постичь другую, прежде позабытую силу» (Hortleder 1974: 140 f).

Норберт Элиас в своем цивилизационно-теоретическом анализе футбола правильно заметил: «Увлечение футболом и разочарование в нем — это очень удачный пример психосоциальной матрицы нашей жизни,

которой нужно придать еще только немного выражения, и она станет ответом на самые элементарные человеческие запросы, которые прежде не были даже поименованы». И затем он продолжает эту мысль: «Досужее времяпровождение в индустриальном обществе, будь то концерт или футбольный матч, театр или джаз, образуют особую влекущую потребность. Я не уверен, что мы правильно понимаем ту потребность в свободном времени, которая и нашла свое выражение в приобщении многих из нас к футбольной игре» (Elias 1983: 21).

Немецкий футбольный союз, Немецкая футбольная лига, клубы и все общественные институты должны здесь угадать знамения времени. Пускай все фанаты, которые объединяются вокруг клубов, обретут утраченную близость к клубам и будут вновь считать игроков своими любимцами, а это возможно только в рамках Немецкого футбольного союза. Пусть немецкая футбольная лига объяснит фанатам, какова цель их союзов, пусть установит общение с фанатами и проявит чуткость к их интересам и их критике, а это возможно, только если построить современные стадионы, которые будут отличаться не только комфортом, но и той близостью зрителей к полю, которую знали старые времена: пускай фанаты вновь займут свои прежде блистательные стоячие места. И активные ультрас, которые так борются против коммерциализации профессионального футбола и выступают поборниками традиционной футбольной культуры, пускай найдут себе место на этой новой сцене, где они будут в числе других болельщиков поддерживать возвращенную футбольную культуру. Вывод из этого мы должны сделать весьма простой: когда союзы и общества всех институций объединятся, тогда душа футбола и заговорит о себе (Pilz 2004), потому что только в новых формах поддержки возвращается старый дух болельщиков. Восторг перед футбольной игрой становится основоположением новой футбольной культуры, и тогда мрачные прогнозы, высказанные Кричером, не оправдываются.

Литература

- Becker, P./Pilz, G. A. 1988: Die Welt der Fans. Aspekte einer Jugendkultur. München.
- Blinkert, B. 1988: Kriminalität als Modernisierungsrisiko. Das Hermes-Syndrom der entwickelten Industriegesellschaften. In: Soziale Welt Jg. 39, H. 4, 397–412.
- Buford, B. 1992: Geil auf Gewalt. München.
- Critcher, C. o. J.: Football Since the War: Study in Social Change and Popular Culture (TypoSript) Birmingham, зд. цит. по: Lindner, R./Breuer, H. T.: Fußball als Show. Kommerzialisierung, Oligopolisierung und Professionalisierung des Fußballsports. In: Hopf, W. (Hrsg.) Fußball—Soziologie und Sozialgeschichte einer populären Sporratt. Bensheim 1979 (pad. Extra), 170.
- Csikszentmihalyi, M. 1992: Flow—Das Geheimnis des Glücks. Stuttgart.
- Elias, N. 1983: Der Fußballsport im Prozess der Zivilisation. In: Modellversuch Journalisten-Weiterbildung der Freien Universität Berlin (Hrsg.) Der Satz Der Ball ist rund hat eine gewisse philosophische Tiefe. Berlin, 12–21.

- Fritsch, S./Pilz, G. A. 1996: Vom Schlachtenbummler zum Hooligan. Zur Sozialgeschichte der Fußballbegeisterung und Fußballrandale bei Hannover 96. In: Peiffer, L./Pilz, G. A. (Hrsg.) Hannover 96–100 Jahre – Macht an der Leine. Hannover, 204–226.
- Hortleder, G. 1974: Faszination des Fußballspiels. Soziologische Anmerkungen zum Sport als Freizeit und Beruf. Frankfurt/M.
- Ketner, H.J. u. a. 1990: Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt aus kriminologischer Sicht. In: Schwind, H.-D./Baumann, J. u. a. (Hrsg.) Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt. Analysen und Vorschläge der Unabhängigen Regierungskommission zur Verhinderung und Bekämpfung von Gewalt (Gewaltkommission). Band II, Berlin, 415–606.
- Lindner, R./Breuer, H. T. 1982: Sind doch nicht alles Beckenbauers. Frankfurt/M.
- Lösel, F. u. a. 1990: Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt aus psychologischer Sicht. In: Schwind, H.-D./Baumann, J. u. a. (Hrsg.) Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt. Analysen und Vorschläge der Unabhängigen Regierungskommission zur Verhinderung und Bekämpfung von Gewalt (Gewaltkommission). Band II, Berlin, 4–156.
- Negt, O. 1998: Jugendliche in kulturellen Suchbewegungen. Ein persönliches Resümee. In: Deiters, F.-W./Pilz, G. A. (Hrsg.) Aufsuchende, akzeptierende, abenteuer- und bewegungsorientierte, subjektbezogene Sozialarbeit mit rechten, gewaltbereiten jungen Menschen – Aufbruch aus einer Kontroverse. Münster, 113–124.
- Nuit, H. 1988: Sport: Nur noch Kampf gegen sich selbst? In: Psychologic heute, Jg. 15, H. 1, 40–55.
- Paris, R. 1983: Fußball als Interaktionsgeschehen. In: Modellversuch Journalisten-Weiterbildung der Freien Universität Berlin (Hrsg.) Der Satz Der Ball ist rund hat eine gewisse philosophische Tiefe. Berlin, 146–164.
- Peiffer, L./Tobias, S. 1996: Das furchtlose Zugreifen – die den 96ern von jeher eigen gewesene Eigentümlichkeit. In: Peiffer, L./Pilz, G. A. (Hrsg.) Hannover 96–100 Jahre – Macht an der Leine. Hannover, 14–55.
- Pilz, G. A. 1991: Die Suche nach dem Abenteuer. Hooliganismus als Modernisierungsrisiko – Hooligans als Avantgarde eines neuen Identitätstyps? In: Sozial Extra, Jg. 15, H. 6, 5–7.
- Pilz, G. A. 1993: Öffentliche Bedürfnisanstalt – Das Fußballstadion als besonderer Ort in der verregelten Gesellschaft. In: Hansen, K. (Hrsg.) Verkaufte Faszination – 30 Jahre Fußball-Bundesliga. Essen, 130–141.
- Pilz, G. A. 1999: Seifenoper mit Sitzplatz. Interview in: Wir Profis. Magazin der Vereinigung der Vertragsfußballspieler, Jg. 10, H. 8, 16–19.
- Pilz, G. A. 2004: Gewaltgruppierungen in deutschen Fußballstadien – eine soziologische Betrachtung. In: die neue polizei, Jg. 54, H. 1, 14–24.
- Pilz, G. A. 2005: Vom Kutfan und Hooligan zum Ultra und Hooltra – Wandel des Zuschauerhaltens im Profifußball. In: Deutsche Polizei, Jg. 54, H. 11, 6–12.
- Rittner, V. 1986: Sportausübung, Selbstdarstellungsrituale und zeremonielle körperliche Gewalt. Die sozialen und symbolischen Grundlagen abweichenden Verhaltens im Sport. In: Polizeiführungsakademie (Hrsg.): Sicherheit bei Sportveranstaltungen. Münster, 133–150.

- Schwind, H.-D./Baumann, J. u. a. (Hrsg.) 1990: Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt. Analysen und Vorschläge der Unabhängigen Regierungskommission zur Verhinderung und Bekämpfung von Gewalt (Gewaltkommission). Berlin (4 Bände).
- Weinhold, K.-P. 2002: Ethik und Leistung- Grundpfeiler einer humanen Sport – und Spielkultur. In: Württembergischer Fußballverband e. V. (Hrsg): Der Fußball... ein Beitrag zu einer Gesellschaftskultur der Zukunft. Sindelfingen, 34–44.
- Weis, K./Alt, C./Gingeleit, F. 1990: Probleme der Fanausschreitungen und ihrer Eindämmung. In: Schwind, H.-D./Baumann, J. u. a. (Hrsg.) Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt. Berlin, Bd. III, 575–670.
- Wippermann, C. 2001: Die kulturellen Quellen und Motive rechtsradikaler Gewalt – Aktuelle Ergebnisse des sozialwissenschaftlichen Instituts Sinus Sociovision. In: Jugend & Gesellschaft, H. 1, 4–7.